

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

УДК 341.1

С. В. Глотова

**КОНЦЕПЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ:
ОБЩЕПРИЗНАННОСТЬ И СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

Концепция преступлений против человечности в международном праве носит общепризнанный характер. В числе прочего этому способствовало ее включение в статуты международных уголовных трибуналов и Международного уголовного суда. В Римском статуте Международного уголовного суда (ст. 7) содержится наиболее полно отражающее международное право определение преступлений против человечности. Подтверждением общепризнанности их преступного характера явилась работа Комиссии международного права над темой «Преступления против человечности». Принятие (в предварительном порядке) Комиссией определения, идентичного ст. 7 Римского статута, следует оценить как подтверждение общего признания категории преступлений против человечности, как оно выражено в Римском статуте, в отношении и отдельных составов, и сущностных признаков. Согласно Проекту статей, принятым Комиссией, общая обязанность государств предотвращать и наказывать это серьезное преступление, а также сотрудничать в то же время свидетельствует о его всеобщем запрете, имеющем характер *erga omnes*. На основании анализа судебной практики автор приходит к выводу о том, что в ряду сущностных признаков преступлений против человечности «направленность против любого гражданского населения» следует трактовать как действия, связанные с контекстом организованного насилия (не обязательно военного характера), а также с жестоким обращением. При этом термин «гражданское население» в международном уголовном праве не полностью идентичен таковому в международном гуманитарном праве. Преступления против человечности являются преступлениями по международному праву независимо от того, совершены они в ходе вооруженных конфликтов или нет. Признак широкомасштабности связан с массовой виктимизацией. Систематичность нападения следует считать альтернативным критерием. Критерий наличия плана и политики государства и организации не имеет самостоятельного значения, но может доказывать организованный и систематический характер деяний. Библиогр. 21 назв.

Ключевые слова: преступления против человечности, гражданское население, Комиссия международного права, Римский статут Международного уголовного суда, Нюрнбергский трибунал, *erga omnes*.

Глотова Светлана Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1; svglotova@mail.ru

Glotova Svetlana V. — PhD, Associate Professor, Lomonosow Moscow State University, 1, Leninskiye горы, Moscow, 119191, Russian Federation; svglotova@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

THE NOTION OF "CRIMES AGAINST HUMANITY":
THE GENERAL RECOGNITION AND CONTEXTUAL ELEMENTS
IN MODERN INTERNATIONAL LAW

The concept the crimes against humanity (CaH) is generally recognized in international law. This is due to, among other things, the inclusion of CaH in the statutes of international criminal tribunals and the International Criminal Court (ICC). The Rome Statute of the ICC (Art. 7) contains the definition of it which fully reflects the customary international law. Confirmation of general acceptance of the criminal nature of the CaH was given by the International Law Commission on the topic "Crimes against humanity". Adoption of (provisionally) the Commission's definition of CaH, the identical Art. 7 of the Rome Statute (RS), should be evaluated as a confirmation of the general recognition within the meaning of the notion CaH, as expressed in the RS, with regard to both individual offenses and the contextual elements. General obligations and requirements for States to punish, prevent and cooperate in the investigation and persecution of CaH describe, *inter alia*, the *erga omnes* nature of their prohibition, according to the Draft. Based on the analysis of recent court practice, the author comes to the following conclusions. Among the contextual elements of CaH "direction against the civilian population" should be interpreted as actions related to the context of organized violence (not necessarily military), as well as ill-treatment. The "civilians" as categories are not completely identical to that in the IHL. CaH are crimes under international law, regardless of whether they have been committed in the time of armed conflict or not. Widespread attack is associated with mass victimization. The systematic attack is an alternative criterion. The criterion of 'having a plan and policies of the state and the organization', has no independent value, but may prove an organized and systematic nature of the acts. Refs 21.

Keywords: crimes against humanity, civilians, International Military Tribunal, International Law Commission, Rome Statute of International Criminal Court, *erga omnes*.

Преступления против человечности (далее — ППЧ) относятся к разновидности тяжких международных преступлений¹ наряду с преступлением геноцида, военными преступлениями и преступлением агрессии. Ответственность за них вытекает непосредственно из норм международного права [1, с. 53]. Впервые категория ППЧ появилась в Уставе Нюрнбергского трибунала 1945 г.², став значительным вкладом Международного военного трибунала (далее — МВТ) в развитие международного права.

ППЧ совершаются в ходе как вооруженных конфликтов (международного или внутреннего характера), так и кризисов в невоенное время (режим красных кхмеров, преступления в Руанде, Кении³ и Кот-д'Ивуаре). Бесчеловечные, антигуман-

¹ Согласно терминологии Римского статута Международного уголовного суда (далее — МУС) преступления против человечности, относимые к юрисдикции МУС, являются «самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества» (ст. 5). Текст Римского статута, распространенного в качестве документа A/CONF.183/9 от 17 июля 1998 г. с изменениями на основе протоколов от 10 ноября 1998 г., 12 июля 1999 г., 30 ноября 1999 г., 8 мая 2000 г., 17 января 2001 г. и 16 января 2002 г. URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 10.01.2016).

² Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Лондон, 8 августа 1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М.: Госполитиздат, 1955. С. 165–172.

³ По ситуации в Кении, связанной с насилием в ходе национальных выборов 2007 г., Международным уголовным судом в ППЧ были обвинены У.Кеньятта и У.Руто (бывший президент и вице-президент). Дело прекращено за недостаточностью доказательств 13 марта 2015 г. В настоящее время Кеньятта является действующим президентом. См.: Дело ICC-01/09-02/11. *The Prosecutor v. Uhuru Muigai Kenyatta*. URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2012_01006.PDF (дата обращения: 10.01.2016); Дело ICC-01/09-01/11. *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*.

ные акты по отношению к мирному населению продолжают потрясать сознание людей, все мировое сообщество государств жестокостью, страданием жертв и глобальностью масштабов. Феномен ППЧ в том, что будучи массовыми злодеяниями, они проявляются в самых различных отвратительных формах. Запрет нарушений прав человека реализуется осуждением и наказанием виновных в их совершении⁴. В последнее время в повестке Совета Безопасности ООН ППЧ все чаще рассматриваются в качестве угрозы международному миру и безопасности. Ввиду этого имеются все основания считать их затрагивающими не только интересы и права отдельных жертв, но и все международное сообщество в целом; ППЧ неизменно приводятся авторитетными источниками как попадающие в сферу охвата доктрины *jus cogens*. Будучи вопиющим посягательством на человеческое достоинство и само понятие человечности (или гуманности, что восходит к оговорке Мартенса [3]), ППЧ настоятельно требуют всеобщего осуждения, действенного преследования и наказания виновных как на международном, так и на национальном уровнях.

Общее признание ППЧ как преступлений по международному праву было выражено рядом международно-правовых актов, таких как Резолюция ООН № 95(1) «Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала» 1946 и 1950 гг.⁵ (еще раньше — Закон № 10 Контрольного совета для Германии 1946 г.⁶ и статуты национальных послевоенных трибуналов). Они подтвердили, что преступления против человечности должны быть наказуемы, чем отразили *opinio juris* большинства государств [5, с. 414–415].

Хотя в послевоенный период преследование за ППЧ практически не осуществлялось⁷, яркими примерами национальной практики стали дела Эйхмана, Барбье, Финта. В 1993 г. ППЧ были включены в Устав Международного трибунала по бывшей Югославии (далее — МТБЮ), в 1994 г. — в Устав Международного уголовного трибунала по Руанде (далее — МУТР)⁸. В настоящее время категория ППЧ входит в юрисдикцию следующих смешанных трибуналов: Специального суда по Сьерра-Леоне (ст. 2 Устава), Чрезвычайных палат в судах Камбоджи, коллегий по серьез-

URL: <https://www.icc-cpi.int/Pages/record.aspx?docNo=ICC-01/09-01/11-373&ln=en> (дата обращения: 10.01.2016).

⁴ По Шабасу, ППЧ могут рассматриваться как имплементация норм о правах человека в сфере международного уголовного права [2, с. 139].

⁵ Текст, принятый на второй сессии Комиссии в 1950 г. и представленный Генеральной Ассамблее как часть доклада Комиссии о работе указанной сессии. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml (дата обращения: 10.01.2016).

⁶ 20 декабря 1945 г. Союзным контрольным Советом для Германии был принят Закон № 10, который уполномочил союзные державы арестовывать «военных и других преступников, которые не были подсудны Нюрнбергскому трибуналу» и постановил учредить трибуналы для суда над ними. Задача судебного преследования остальных преступников ложилась на каждую из оккупационных держав. В 1946–55 гг. было проведено большое число процессов. Так, в британской зоне оккупации немецкие суды наделялись юрисдикцией в отношении ППЧ, совершенных гражданами Германии против германских граждан и лиц без гражданства [4, с. 665].

⁷ Международный военный трибунал для Дальнего Востока 1946 г. предусматривал ответственность за ППЧ (ст. 5(с) Устава), однако ни одно такое деяние не было рассмотрено в процессе.

⁸ Также в 1996 г. Комиссия международного права дала определение ППЧ в Проекте кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (ст. 18) (Yearbook of the International Law Commission. 1996. Vol. II. Part 2).

ным преступлениям по Восточному Тимору⁹. Наконец, в ст. 7 Римского статута МУС содержится определение ППЧ, наиболее полно отражающее международное право [7, р. xiii]¹⁰. Это определение является смешанным и содержит: общую дефиницию преступления (сознательно совершаемое деяние в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц) и конкретный (но не исчерпывающий) перечень отдельных преступлений.

За ряд десятилетий концепция претерпела определенные изменения. Они касались как расширения конкретных видов деяний, входящих в эту категорию, так и существенных признаков ППЧ, связываемых с наличием вооруженного конфликта, масштабом осуществления преступления, а также со степенью охвата проводимой государством и иными акторами противоправной политики.

В Уставе МТБЮ (ст. 5) к отдельным видам ППЧ помимо перечисленных в Уставе МВТ отнесены следующие деяния: изнасилования, пытки, заключение в тюрьму, другие бесчеловечные акты («депортация» заменяет «ссылку»). Устав МУТР (ст. 3) содержит аналогичный список («депортация» дополняется «насильственным перемещением населения», а «заключение в тюрьму» — «другим жестоким лишением физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права»).

Наибольшее расширение категория ППЧ получает в Римском статуте. Вводятся составы сексуальных преступлений: «обращение в сексуальное рабство», «принуждение к проституции», «принудительная беременность и стерилизация», другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести. Преступление «преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам» дополнено словами «любой идентифицируемой группы», а в качестве основания включает и такие мотивы, как культурный и гендерный, что отражает современный уровень защиты прав человека. Вводятся составы «насильственное исчезновение людей», «преступление апартеида»; другие бесчеловечные деяния аналогичного характера также могут рассматриваться как ППЧ.

Различные формулировки статутов учреждений международной уголовной юстиции порождают определенные вопросы, например, распространяется ли общепризнанность запрета на новые противоправные деяния. В отличие от военных преступлений и преступлений геноцида отсутствует *конвенционное определение ППЧ*, что рассматривается в качестве лакуны современного международного права [8, р. 759]. В целом сегодня концепция ППЧ не только отражает обычно-правовой запрет на совершение ППЧ, но и приобрела характер общепризнанной нормы [9, с. 255; 10, с. 195]. Помимо принятия Комиссией международного права (далее — КМП) проектов кодексов преступлений против мира и безопасности человечества 1951, 1954 и 1996 гг., а также конвенций об отмене сроков давности и запрещающих отдельные виды ППЧ (Конвенция против пыток 1984 г.¹¹, Международная конвен-

⁹ В юрисдикции Специального трибунала по Ливану, в отличие от Устава Специального суда по Сьерра-Леоне (ст. 2), нет ППЧ. На этапе разработки Устава стороны (ООН в лице Генерального секретаря и Правительство Ливана) решили не рассматривать преступление терроризма в качестве вида ППЧ. На наш взгляд, преступление международного терроризма может рассматриваться как разновидность ППЧ. Подробнее см.: [6].

¹⁰ Report of the Preparatory Committee of the Establishment of an International criminal Court. Vol. 1. Proceedings of the Preparatory Committee during Mart-April and August 1996. A/51/22. 13.09.1996, § 54.

¹¹ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята Резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от

ция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г.), этому способствовало учреждение международных уголовных трибуналов и МУС, а также принятие национальных законов о ППЧ.

Подтверждением общепризнанности преступного характера ППЧ стала работа Комиссии международного права. 17 ноября 2014 г. Генеральная Ассамблея ООН¹² принимает к сведению решение КМП включить в программу своей работы тему «Преступления против человечности»; спецдокладчиком назначен Шон Д. Мэрфи (*Sean D. Murphy*).

2 июня 2015 г. Комиссия приняла в предварительном порядке текст четырех статей¹³. Первые три части ст. 3 составляют определение, по существу воспроизводящее ст. 7 Римского статута. Часть вторая статьи дает определение отдельным составам, подобно аналогичной части ст. 7.

Определение ППЧ в Проекте ст. 3 таково:

1. Для целей настоящих проектов статей «преступление против человечности» означает любое из следующих деяний, когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, если такое нападение совершается сознательно:

- a) убийство;
- b) истребление;
- c) порабощение;
- d) депортация или насильственное перемещение населения;
- e) заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права;
- f) пытки;
- g) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести;
- h) преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным, как это определяется в п. 3, или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву, в связи с любыми деяниями, указанными в настоящем пункте, или в связи с преступлением геноцида или военными преступлениями;
- i) насильственное исчезновение людей;
- j) преступление апартеида;
- k) другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений либо серьезного ущерба психическому или физическому здоровью.

10 декабря 1984 г.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 10.01.2016).

¹² 17 ноября 2014 г. Генеральная Ассамблея. Шестьдесят девятая сессия. Пункт 78 повестки дня. Доклад Комиссии международного права о работе ее 66-й сессии. Доклад Шестого комитета. Док. ООН:А/69/10. Пункт 266. URL: <https://documents-dds-ny.un.org> (дата обращения: 30.08.2016).

¹³ 2 июня 2015 года. Генеральная Ассамблея. Комиссия международного права. Шестьдесят седьмая сессия. Женева, 4 мая–5 июня и 6 июля–7 августа 2015 г. Преступления против человечности. А/CN.4/L.853. Текст проектов ст. 1, 2, 3 и 4, принятый в предварительном порядке Редакционным комитетом 28 и 29 мая и 1 и 2 июня 2015 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org> (дата обращения: 30.08.2016).

Проект ст. 2 «Общая обязанность» подтверждает тяжкий характер ППЧ: «Преступления против человечности, независимо от того, совершены они во время вооруженного конфликта или нет, являются преступлениями по международному праву, которые государства обязаны предотвращать и наказывать». Наконец, предложено важное положение: «Никакие исключительные обстоятельства, такие как состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или какое-либо другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием преступлений против человечности».

Феномен ППЧ отражается в том, что для признания конкретного деяния международным, а не просто ординарным преступлением, помимо наличия квалифицирующих его элементов необходимо наличие так называемых *сущностных признаков* (в уставах судов они именуется как общие требования или контекстные элементы [11, р.192]). Так, элементы преступлений (п. 2 ст. 7) указывают, что «последние два элемента каждого преступления против человечности описывают контекст, в котором должно иметь место поведение». Если для геноцида этим признаком является специальное намерение субъекта полностью или частично уничтожить группу, то для ППЧ признаки характеризуют объективную сторону.

Рассмотрим концепцию ППЧ в свете ее сущностных признаков, под которыми мы понимаем следующие характерологические особенности ППЧ:

- направленность против любого гражданского населения;
- отсутствие связи с ситуацией вооруженного конфликта;
- крупный масштаб осуществления преступления.

Что касается такой черты, как охват рамками проводимой государством (и иными акторами) противоправной политики, в литературе она рассматривается и как признак, и как проблема. Ниже будет показано, что эта черта не может считаться системообразующим признаком. А. Кассизи и другие авторы предлагают такой признак, как одиозность совершения преступления [12, р.386–387].

Направленность против любого гражданского населения. Мирное, или гражданское, население — объект совершения ППЧ. В ст. 6 «с» Устава МВТ преступления против человечности были определены как «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам».

Характеризуя юрисдикцию в отношении ППЧ, И. А. Ледах и А. Кассизи [13, р. 86–87] отметили, что Устав предусматривал две категории деяний: 1) преступления против граждан Германии / ее союзников (Венгрии и Румынии) в виде преследования; 2) преступления против мирного населения. Включение первой группы объяснялось тем, что иначе они не попадали бы под юрисдикцию МВТ, поскольку не являлись нарушением законов войны, действовавших только между воюющими сторонами. Устав содержал положение, согласно которому преследование за такие преступления будет иметь место, если они совершались «с целью осуществления преступления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала», т. е. имелись в виду военные преступления или преступления против мира. Цель такого указания — подчеркнуть связь преступления с межгосударственным конфликтом и отнести к юрисдикции трибунала деяния, которые традиционно относились к сфере юрисдикции государств.

Обоснование правомерности ответственности за ППЧ в Приговоре Трибунала дается не только в общем разделе, но и в разделах «Военные преступления и преступления против человечности» и «Убийство гражданского населения и жестокое обращение с ним». Эти чудовищные преступления, совершенные высшим военно-политическим руководством Третьего рейха, достигли предела при обращении с гражданами Советского Союза [14, с. 153]. Одержимые идеями завоевания мирового господства, утверждения превосходства германской расы и создания нового мирового порядка, нацисты развернули и пытались осуществить программу покорения, порабощения и уничтожения «неполноценных» народов. Претворение этой программы в жизнь стало тягчайшим преступлением против человечности [15].

Термин «нападения», характеризующий ППЧ, с момента создания МТБЮ закрепляется во всех последующих статутах (см. формулировку ч. 1 ст. 7 Римского статута «на любых гражданских лиц»). В настоящее время действия в отношении «любого гражданского населения» достаточно единообразно понимаются как направленные против групп, различаемых по признаку национальности, этническому или другому выделяемому критерию. В деле Кеньяты Досудебная палата МУС в качестве определяющего критерия группы выделила политическую аффилированность¹⁴.

Однако термин «гражданское население» в международном уголовном праве не равнозначен таковому в международном гуманитарном праве, хотя и пересекается с ним. Термин включает любую группу гражданских лиц, сосредоточенных или проживающих на определенной территории; эти лица не принимают / перестали принимать участие в военных действиях. Более того, среди них может быть и некоторое количество комбатантов¹⁵, даже принадлежащих к стороне противника¹⁶. А. Кассизи полагает, что обычное право содержит более широкое (по сравнению со статутами уголовных судов) понимание: объект нападения не ограничивается гражданскими лицами и включает в себя также военнослужащих и военные объекты¹⁷.

Таким образом, указание на гражданское население не идентично категории, используемой в международном гуманитарном праве, даже в свете общей ст. 3 Женевских конвенций (которая строится на основе идеи о потребности жертв в защите). В деле Мартича Апелляционная палата МТБЮ постановила, что формулировка и практика не требуют, чтобы жертвой преступления непременно были гражданские лица. В то же время в ситуации мирного времени этот признак, вероятно, будет свидетельствовать о крупномасштабности и одиозности деяния.

Термин «нападение» по-разному трактуется в доктрине и практике судов. Очевидно, что преступление апартеида (институализированной системы расизма) осуществляется вне силовой атаки. Более обосновано, по нашему мнению, использование определения «линия поведения, связанная с совершением актов насилия

---

¹⁴ Pre-Trial Chamber ICC II, ICC-01/09-02/11-382-Red, *The Prosecutor v. Francis Kirimi Muthaura and Uhuru Muigai Kenyatta*. URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2012_01006.PDF (дата обращения: 10.01.2016).

¹⁵ *Prosecutor v. Martić*, Judgement Appeal Chamber ICTY, 8 Oct 2008, para. 303.

¹⁶ *Prosecutor v. Katanga and Ngudjolo Chui*, Pre-Trial Chamber ICC от 30 Sept 2008.

¹⁷ Это мнение высказано в связи с проблемой отнесения террористических актов к ППЧ, в частности в свете событий 11 сентября 2001 г. [12, p. 128].

и любым жестоким обращением»¹⁸. Элементы преступлений, названные в Римском статуте МУС, подтверждают, что деяния не обязательно должны представлять собой военное нападение; может иметь место не применение силы, а жестокое обращение с гражданским населением.

Отсутствие связи с ситуацией вооруженного конфликта. Определение преступлений против человечности в ст. 6 «с» Устава Нюрнбергского трибунала строилось на их связи с ситуацией войны; сам Устав носил название военного. В современных вооруженных конфликтах на первый план выходят конфликты международного характера, что не могло не отразиться на развитии определения ППЧ.

Устав МТБЮ в ст. 5 предусматривает, что его юрисдикция наступает в случае совершения преступлений «в ходе вооруженного конфликта, будь то международного или внутреннего характера». Однако практика МТБЮ не показывает связи деяний с вооруженным конфликтом как таковым. Исследователи объясняют это ситуационным характером Трибунала (относительно событий в Югославии) и называют юрисдикционным условием [11, р. 191; 16, р. 148]. Устав МУТР (ст. 3) и Римский статут не содержат такого требования по сравнению с Уставом МВТ. Согласно проекту КМП (ст. 2) «преступления против человечности, независимо от того, совершены они во время вооруженного конфликта или нет, являются преступлениями по международному праву».

Крупный масштаб осуществления преступления. Устав МУТР (ст. 3) вводит требование совершения ППЧ в рамках «широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население». Этот признак является третьей составляющей ППЧ. Хотя он не обозначался в Уставе МВТ, практика показала его наличие.

Полагаем, что данный признак осуществления преступления отличает его от категории ППЧ, рассматриваемых по внутреннему праву. Иными словами, государства могут преследовать отдельные подвиды ППЧ в своем законодательстве. На международном уровне отдельные, спорадические акты не будут являться ППЧ.

Широкомасштабность нужно понимать прежде всего в свете такого прискорбного факта, как наличие многочисленных жертв. Подобный комментарий содержался в Проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г.

Что касается критерия систематичности (многократности), то он менее строг¹⁹. Если однократное деяние (совершаемое одним лицом) является частью общего контекста (нападение на гражданское население, совершенное в крупном масштабе), то ППЧ будут иметь место. В деле Тадича МТБЮ заявил, что даже изолированное деяние представляет собой ППЧ, если оно — продукт политической системы, основанной на терроре и преследованиях²⁰.

В Римском статуте МУС признак широкомасштабности или систематичности представлен в определении (ч. 1 ст. 7), комментарии (ч. 2 ст. 7), а также в Элементах преступлений²¹. Согласно ст. 7 Римского статута ППЧ охватывают деяния, совершенные «в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых

¹⁸ *Prosecutor v. Tadić*, Judgement Trial Chamber ICTY, 7 May 1997.

¹⁹ Е. А. Малярова, напротив, утверждает, что критерии широкомасштабности и систематичности должны рассматриваться кумулятивно [17].

²⁰ *Prosecutor v. Tadić*, Judgement Trial Chamber ICTY, 7 May 1997.

²¹ URL: http://www.un.org/ru/documents/rules/icc_elements.pdf (дата обращения: 10.01.2016).

гражданских лиц». В соответствии с п. 2 «а» ст. 7 «нападение на любых гражданских лиц» означает «линию поведения, включающую многократное совершение актов, указанных в п. 1, против любых гражданских лиц, предпринимаемых в целях проведения политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике».

На наш взгляд, здесь происходит смешение с таким признаком ППЧ, как *политическое основание* (см., напр.: [18, с. 406–411]).

Политическое основание в тексте Статута стало результатом компромисса, достигнутого сторонниками альтернативного и кумулятивного определений широкомасштабности/систематичности (или платой за этот компромисс), что следует из материалов разработки и обсуждения данной статьи [19, р. 57]. В результате победили сторонники альтернативного включения, а их оппоненты добились ведения оборота «в целях проведения политики государства или организации». Альтернативность критериев доказывается практикой судов.

Следовательно, политическое основание нужно рассматривать не как самостоятельный критерий, а как иллюстрацию критерия масштабности/систематичности. Лишь давние судебные решения связывали критерий систематичности с понятием заранее составленных «плана и политики» (дело Тадича 1997 г. в МТБЮ; дело Акаесу 1998 г. в МУТР); однако и там указывалось, что такая политика не обязательно должна быть формализованной и требовать высокого уровня принятия решения. В этих и других решениях²² в качестве доказательства политического критерия приводились в том числе фактические обстоятельства и необходимость учета способа совершения деяния. Между тем в последние годы практика трибуналов и МУС изменяется в направлении отхода от того, что критерий политики является системообразующим.

В этом отношении показательно решение Досудебной палаты МУС от 23 января 2012 г. по делу Кеньяты²³. В тексте решения палата подтверждает (со ссылкой на предыдущие решения) обоснование того, что нападение, будучи спланированным, руководимым или организованным, в противоположность спонтанным или изолированным актам, удовлетворяет этому критерию²⁴. Более того, утверждается, что термин «организация» нужно толковать так, что «формальная природа группы и уровень ее организации не должны являться определяющим критерием». Разделение нужно проводить в отношении того, имеет ли группа возможность осуществлять деяния, которые нарушают основные права человека (в тексте — фундаментальные человеческие ценности). Понятно, что проблема доказательства критерия политики актуальна при совершении преступлений структурами, отличными от государственных.

Если бы разработчики Статута намеревались исключить негосударственных акторов из термина «организации», они не включали бы его в ст. 7(2) Статута²⁵.

²² *Prosecutor v. Blaskić*, Trial Chamber ICTY, 3 March 2000.

²³ ICC-01/09-02/11. *The Prosecutor v. Uhuru Muigai Kenyatta*, paras. 111–114. URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2012_01006.PDF (дата обращения: 10.01.2016).

²⁴ Pre-Trial Chamber II, ICC-01/09-19 Corr, paras. 84–85; Pre-Trial Chamber II, ICC-01/05-01/08-424 para. 81; Pre-Trial Chamber I, ICC-01/04-01/07-17, para. 396. — Эти решения приняты по ситуации в Кении и делу Бемба.

²⁵ Pre-Trial Chamber II, ICC-01/09-19 Corr, para. 92.

В целом элемент политики государства и организации не имеет самостоятельного значения, а свидетельствует о систематическом характере деяния, т. е. палаты МУС толкуют «элемент политики» скорее как критерий организованного характера преступлений, что не противоречит его дополнительному характеру в определении ст. 7. Отсюда ссылки обвиняемых на то, что недоказанность «политики» нарушает принцип законности, несостоятельны.

В то же время существует позиция, согласно которой критерии наличия организации, ее структуры и политики являются водоразделом, отделяющим ППЧ по международному праву от преступлений по праву национальному²⁶. Она выражена судьей МУС Х.-П. Каулем (Hans-Peter Kaul) в ряде несопадающих мнений по ситуации в Кении²⁷. В его понимании к ППЧ должны относиться только те акты, которые совершаются как часть более или менее систематических акций, организованных центральными властями или, по крайней мере, проявляющих толерантность к их совершению против определенной популяции.

Даже если признать, что формализованная природа организации является определяющим критерием, при анализе решений трибуналов и международных актов видно, что наличие строгой организованности никогда не требовалось. В качестве примера в этих решениях приводились нелегитимные образования, *de facto* осуществляющие контроль над территорией / свободно передвигающиеся по ней, в целом обладающие материальным и человеческим потенциалом для совершения широкомасштабных или систематических нападений на гражданское население (Кодекс преступлений против мира и безопасности человечества 1991 г. вообще подразумевает под организацией обычных лиц, осуществляющих власть, или организованные банды / преступные группы).

Поэтому следует согласиться с мнением судей МУС, выраженным в решении 2012 г., согласно которому толкование контекстуальных элементов ППЧ хорошо разработано в судебной практике Суда и непротиворечиво.

Ссылки на решения Нюрнберга, на наш взгляд, нерелевантны²⁸. В практике МВТ проблемы «совершения в рамках политики» (и аналогичного юридического требования) не существовало: все подсудимые были государственными высшими должностными лицами либо военачальниками; они или сами вырабатывали политику, планы, зафиксированные в программных документах, или осуществляли ее согласно приказу. В настоящее время находящиеся на рассмотрении МУС ситуации являются следствием немеждународного вооруженного конфликта или даже беспорядков в мирный период с участием неправительственных формирований, негосударственных субъектов, отдельных групп лиц. Непонятно, как применять к ним термин «политика».

Толкование ст. 7 Римского статута с учетом основных правил Венской конвенции 1969 г. о праве договоров показывает, что выражение «совершение в рамках политики» имеет вспомогательный характер по отношению к критерию крупно-

²⁶ О разграничении юрисдикции государств и МУС см.: [20].

²⁷ Dissenting Opinion Judge Hans-Peter Kaul. Pre-Trial Chamber II, ICC-01/09-02/11-382-Red; Dissenting Opinion Judge Hans-Peter Kaul. Pre-Trial Chamber II, 31 March 2010, ICC-01/09-19 Corr.; Dissenting Opinion Judge Hans-Peter Kaul. Pre-Trial Chamber II, 15 March 2011, ICC-01/09-02/11-3.

²⁸ Иное мнение у Л. ван Херик [21, p. 312].

масштабности. По нашему мнению, лучшим выходом было бы внесение в текст определения ППЧ словосочетания «организованное насилие».

Следовательно, критерии широкомасштабности и систематичности должны пониматься как альтернативные, а критерий политики не является системообразующим в ряду сущностных признаков ППЧ.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам.

В ряду сущностных признаков ППЧ «направленность на гражданское население» следует трактовать как действия, связанные с контекстом организованного насилия, не обязательно вооруженного нападения, т.е. категория «гражданские лица» не полностью совпадает с таковой в международном гуманитарном праве. ППЧ могут совершаться как в ходе вооруженных конфликтов различного характера, так и в мирное время. Широкий масштаб нападения означает наличие массовой виктимизации. Признак «политического основания» не является необходимым, но может доказывать организованный характер деяний, совершенных под руководством.

Актуализация внимания к ППЧ объясняется как потребностями общего международного права, так и закономерной эволюцией международного уголовного права. Категория ППЧ в международном праве носит общепризнанный характер, о чем свидетельствует работа КМП: в основе статей о ППЧ лежит определение, практически аналогичное ст. 7 Римского статута²⁹. Проект определения КМП следует считать подтверждением общепризнанности категории ППЧ, сформулированной в Римском статуте, причем применительно и к сущностным признакам, и перечню составов.

Разрабатываемый проект, по нашему мнению, будет способствовать принятию Конвенции о преступлениях против человечности, а также национальных законов, содержащих *общепринятое определение* подобного рода преступлений.

Всеобщая обязанность государств *предотвращать и наказывать* это серьезное преступление свидетельствует о всеобщем запрете ППЧ, носящем характер *erga omnes*. Обязанность предотвращения конкретизирована в ст. 4 Проекта:

Каждое государство обязано предотвращать преступления против человечности в соответствии с международным правом, в том числе посредством:

- а) эффективных законодательных, административных, судебных или других мер предотвращения на любой территории, находящейся под его юрисдикцией или контролем; и
- б) сотрудничества с другими государствами, соответствующими межправительственными организациями, а также, в соответствующих случаях, другими организациями.

---

²⁹ Три несущественных изменения сделаны. Во-первых, п. 1 начинается со слов «Для целей настоящих проектов статей», в то время как Римский статут относится к «настоящим Положениям». Во-вторых, акт преследования, определенный в подп. «h», относится к любому акту «в связи с преступлением геноцида или военных преступлений», в то время как Римский статут относится к понятию «любое преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда». В-третьих, п. 3 начинается со слов «Для целей настоящих проектов статей», а не «Для целей настоящего Статута», как в Римском статуте.

Полагаем, что принятие статей о ППЧ укрепит МУС, усилит правовой режим ответственности индивидов внутри принципа комплементарности. Государства сформируют потенциал для противодействия этому серьезному преступлению и обеспечат его эффективное преследование.

В то же время определение ППЧ будет способствовать усилению правовых основ концепции «ответственности по защите», которая была порождена необходимостью реагирования со стороны международного сообщества на совершение государствами тяжких преступлений, в том числе ППЧ, в отношении собственных граждан. Кроме того, это внесет вклад в утверждение принципов универсальной юрисдикции и *aut dedere aut judicare*³⁰, а также будет способствовать пониманию сферы охвата и юридических последствий концепции *jus cogens*. Считаем, что определение ППЧ окажет значительное влияние на разработку соглашений о пресечении такого тяжкого международного преступления, как преступление международного терроризма.

Источники и литература

1. Шинкаревецкая Г. Г. Значение Нюрнбергского процесса для последующего развития международного права // Уроки Нюрнберга и проблемы международного права: материалы «круглого стола», 18 ноября 2010 г. / отв. ред. К. И. Косачев. М.: Издание Государственной Думы, 2011. С. 53–57.
2. Schabas W. The International Criminal Court: A Commentary on the Rome Statute. Oxford: Oxford University Press, 2010. 1259 p.
3. Пустогаров В. В. Оговорка Мартенса — история и юридическое содержание // Право и политика. 2000. № 3. URL: http://krotov.info/library/13_m/ar/tens.htm (дата обращения: 10.01.2016).
4. Международное право: учебник / отв. ред. В. И. Кузнецов. М.: Юристъ, 2001. 672 с.
5. Cassese A. Balancing the Prosecution of Crimes against Humanity and Non-Retroactivity of Criminal Law. The Kolk and Kislyiy v. Estonia Case before the ECHR // Journal of International Criminal Justice. 2006. N 4. P. 410–418.
6. Глотова С. В. Ливанский Трибунал — новый инструмент международного уголовного правосудия. История создания и основные черты // Международное право — International Law. 2008. № 2(34). С. 189–211.
7. Kirsch F. Foreword // Dormann K. Elements of War Crimes under the Rome Statute of International Criminal Court: Sources and Commentary. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. xiii–xiv.
8. Cryer R. International Criminal Law // International Law / ed. by M. Evans. 3rd ed. New York: Oxford University Press, 2010. P. 752–783.
9. Броунли Я. Международное право: в 2 кн. / под ред. Г. И. Тункина. Кн. 2. М.: Прогресс, 1977. 507 с.
10. Ледах И. А. Международное гуманитарное право и права человека. М.: Институт государства и права РАН, 2008. 264 с.
11. Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmhurst E. An Introduction to International Criminal Law and Procedure. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 685 p.
12. Cassese A. International Criminal Law. Oxford: Oxford University Press, 2003. 472 p.
13. Cassese's International Criminal Law / revised by A. Cassese and others. 3rd ed. Oxford University Press, 2013. 414 p.
14. Без срока давности. К 60-летию Нюрнбергского процесса: сб. / редкол.: Л. И. Швецова и др. М.: Мысль, 2006. 389 с.
15. Нюрнбергский процесс. Преступления против человечности. Т. 5. М., 1991. URL: <http://www.lib.ru/MEMUARY/1939-1945/NURNBERG/np5.txt> (дата обращения: 10.01.2016).
16. Mettraux G. International crimes and ad hoc tribunals. Oxford: Oxford University Press, 2006. 480 p.

³⁰ Комиссия включила тему «Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*)» в свою программу работы на 57-й сессии (в 2005 г.) и назначила Здислава Галицкого Специальным докладчиком. Подробнее см.: Док. ООН: A/69/10, разд. VI. URL: <https://documents-dds-ny.un.org> (дата обращения: 30.08.2016).

17. Малярова Е. А. Контекстуальный элемент преступлений против человечности: от истоков к современности // Евразийский юридический журнал. 2015. № 11 (90). С. 57–59.
18. Верле Г. Принципы международного уголовного права. Одесса: Феникс; М.: Транслит, 2011. 910 с.
19. The International Criminal Court: Elements of Crimes and Rules of Procedure and Evidence / eds. R. Lee et al. Ardsley: Transnational Publishers, 2001. 857 p.
20. Марусин И. С. Разграничение юрисдикции Международного уголовного суда и внутригосударственных судебных органов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 14. Право. 2014. № 4. С. 199–207.
21. Van Herik L. The Dutch engagement with the Project of International criminal law // Netherlands Law review. 2010. Vol. 57, N 2. P. 303–322.

Для цитирования: Глотова С. В. Концепция преступлений против человечности: общепризнанность и существенные признаки в свете современного развития международного права // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2016. Вып. 3. С. 36–49. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.304

References

1. Shinkaretskaia G. G. Znachenie Niurnbergskogo protsessa dlia posleduiushchego razvitiia mezhdunarodnogo prava [The Significance of the Nuremberg's process for the development of the International Law]. *Uroki Niurnberga i problemy mezhdunarodnogo prava: materialy «kruglogo stola», 18 noiabria 2010 g.* [The Nuremberg's Lessons and the issues of the International Law. Materials of the Roundtable 18 November 2010]. Ed. by K. I. Kosachev. Moscow, State Duma Press, 2011, pp. 53–57. (In Russian)
2. Schabas W. *The International Criminal Court: A Commentary on the Rome Statute*. Oxford University Press, 2010. 1259 p.
3. Pustogarov V. V. Ogovorka Martensa — istoriia i iuridicheskoe sodержanie [Martens clause — history and legal content]. *Pravo i politika [Law and Politics]*, 2000, no. 3. Available at: http://krotov.info/library/13_m/ar/tens.htm (accessed 10.01.2016). (In Russian)
4. *Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik [International law: the textbook]*. Ed. by V. I. Kuznetsov. Moscow, Jurist Publ., 2001. 672 p. (In Russian)
5. Cassese A. Balancing the Prosecution of Crimes against Humanity and Non-Retroactivity of Criminal Law. The Kolk and Kislyiy v. Estonia Case before the ECHR. *Journal of International Criminal Justice*, 2006, no. 4, pp. 410–418.
6. Glotova S. V. Livanskii Tribunal — novyi instrument mezhdunarodnogo ugovnogo pravosudiia. Istoriia sozdaniia i osnovnye cherty [Special Tribunal for Lebanon — a new instrument of the international criminal justice: history of the establishment and basic features]. *Mezhdunarodnoe pravo [International Law]*, 2008, no. 2(34), pp. 189–211 (in Russian); 212–232 (in English).
7. Kirsh F. Foreword. *Dormann K. Elements of War Crimes under the Rome Statute of International Criminal Court: Sources and Commentary*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, pp. xiii–xiv.
8. Cryer R. International Criminal Law. *International Law*. Ed. by M. Evans. 3rd ed. New York, Oxford University Press, 2010, pp. 752–783.
9. Brounli Ia. *Mezhdunarodnoe pravo: v 2 kn. [International Law]*. Ed. by G. I. Tunkin. Vol. 2. Moscow, Progress Publ., 1977. 507 p. (In Russian)
10. Lediakh I. A. *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo i prava cheloveka [International humanitarian law and human rights]*. Moscow, Institute of state of Russian Academy of Sciences and Law Publ., 2008. 264 p. (In Russian)
11. Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmhurst E. *An Introduction to International Criminal Law and Procedure*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 685 p.
12. Cassese A. *International Criminal Law*. Oxford, Oxford University Press, 2003. 472 p.
13. *Cassese's International Criminal Law*. Revised by A. Cassese and others. 3rd ed. Oxford University Press, 2013. 414 p.
14. *Bez sroka давности. К 60-летию Niurnbergskogo protsessа [Without limitation. On the 60th anniversary of the Nuremberg trials]*. Ed. by L. I. Shvetsova et al. Moscow, Mysl' Publ., 2006. 389 p. (In Russian)
15. *Niurnbergskii protsess. Prestupleniia protiv chelovechnosti [The Nuremberg Trials. Crimes against humanity]*. Vol. 5. Moscow, 1991. Available at: <http://www.lib.ru/MEMUARY/1939-1945/NURNBERG/np5.txt> (accessed 10.01.2016). (In Russian)
16. Metraux G. *International crimes and ad hoc tribunals*. Oxford, Oxford University Press, 2006. 480 p.

17. Maliarova E. A. Kontekstual'nyi element prestuplenii protiv chelovechnosti: ot istokov k sovremennosti [Contextual elements of crimes against humanity: from the beginnings to the present]. *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2015, no. 11(90), pp. 57–59. (In Russian)

18. Verle G. *Printsipy mezhdunarodnogo ugolovnogo prava [Principles of international criminal law]*. Moscow, Odessa, Phoenix, Translit Publ., 2011. 910 p. (In Russian)

19. *The International Criminal Court: Elements of Crimes and Rules of Procedure and Evidence*. Eds R. Lee et al. Ardsley, Transnational Publishers, 2001. 857 p.

20. Marusin I. S. Razgranichenie iurisdiktsii Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda i vnutrigosudarstvennykh sudebnykh organov [Distribution of jurisdiction of the International Criminal Court and the domestic judiciary]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 14. Law*, 2014, no. 4, pp. 199–207. (In Russian)

21. Van Herik L. The Dutch engagement with the Project of International criminal law. *Nederlands Law review*, 2010, vol. 57, no. 2, pp. 303–322.

For citation: Glotova S. V. The Totion of “Crimes against Humanity”: the General Recognition and Contextual Elements in Modern International Law. *Vestnik SPbSU. Ser. 14. Law*, 2016, issue 3, pp. 36–49. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.304

Статья поступила в редакцию 12 февраля 2016 г.;
рекомендована к публикации 20 июня 2016 г.